Влияние пифагорейцев на медицину: исторический факт или проблемы интерпретации? Часть 2¹

Д.А. Балалыкин ✉ shok@nmt.msk.ru,

Н.П. Шок ✉ shokonat@list.ru

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)

ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, Россия, 119991

Авторы статьи рассматривают вопрос о влиянии взглядов пифагорейцев на медицину и обосновывают два значимых для истории и философии медицины тезиса: отсутствие влияния пифагорейцев на формирование и развитие самостоятельной медицинской школы и ошибочность утверждения, что врачебные взгляды некоторых представителей античной медицины, наиболее известным из которых считается Алкмеон, сформировались исключительно под влиянием идей пифагорейцев. Алкмеон, традиционно причисляемый к врачам, последователям пифагорейского учения, сформулировал принципиальные для дальнейшего развития древнегреческой рациональной медицины положения (тезис об управляющей роли головного мозга и др.). Его представление о центральной контрольной функции головного мозга является главным аргументом против того, чтобы относить его к пифагорейской школе. С точки зрения зарождения и развития медицины как науки Алкмеон является непосредственным предшественником Гиппократов и Герофила. Междисциплинарный подход, а также собственные научные разработки, связанные с реконструкцией истории и философии античной медицины, позволяют авторам сделать вывод о двойственном характере пифагорейского учения, основанном на наличии в нем рациональных и оккультно-магических элементов. Это является серьезным основанием для того, чтобы не переоценивать значение пифагорейской философии для развития медицины. Пифагорейское учение как таковое не могло стать основополагающей системой взглядов, на основе которых сформировалась картина мира первых поколений представителей древнегреческой рациональной медицины и сложились отдельные медицинские школы. Однако это не отрицает возможного влияния отдельных пифагорейских идей на представителей медицинской профессии в самом широком, мировоззренческом, плане.

Ключевые слова: история медицины, история науки, пифагорейцы, античная философия, древнегреческая рациональная медицина

The Pythagorean influence on medicine: a historical fact or a problem of interpretation? Part 2

Dmitry A. Balalykin ✉ shok@nmt.msk.ru,

Nataliya P. Shok ✉ shokonat@list.ru

FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University)

8 Trubetskaya St., building 2, Moscow 119991, Russia

The authors of this article consider the influence of the Pythagoreans' views on medicine. They justify two significant for the history and philosophy of medicine theses. The first one is the lack of influence of the Pythagoreans on the formation and development of an independent medical school. The second is the fallacy of the assertion that the medical views of some representatives of ancient medicine (the most famous of which is Alcmaeon) were formed solely under the influence of the ideas of the Pythagoreans. Alcmaeon, who is traditionally identified with the followers of the Pythagorean teaching, formed fundamental statements for further development of ancient Greek rational medicine (the thesis about the controlling role of the brain, etc.). The main argument against Alcmaeon's attributing to the Pythagorean school is his idea of the central control function of the brain. In terms of the birth and development of medicine as a science, Alcmaeon is the direct predecessor of Hippocrates and Herophilus. The interdisciplinary approach, as well as authors' scientific developments related to the reconstruction of the history and philosophy of ancient medicine, allow the authors to conclude that the Pythagorean doctrine has dual nature because of the rational and occult/magical elements in it. It is a serious reason for not overestimating the importance of Pythagorean philosophy for the development of medicine. Pythagorean teaching could not become a fundamental system of views, which was the basis for the formation of a picture of the world of the first generations of representatives of ancient Greek rational medicine and separate medical schools. However, this fact does not deny the possibility of influence of some Pythagorean ideas on the representatives of the ancient physicians in the broadest ideological sense.

Keywords: history of medicine, history of science, Pythagoreans, ancient philosophy, ancient Greek rational medicine

¹ Первая часть статьи опубликована в № 3 (2017 г.) журнала «История медицины» [1].

Балалыкин Д.А. ORCID: 0000-0002-1813-8206

Шок Н.П.: ORCID: 0000-0002-0713-7507

© Д.А. Балалыкин, Н.П. Шок

Данные о развитии древнегреческой рациональной медицины на территории Великой Греции весьма ограничены. Так, например, есть сведения о враче Алкмеоне из Кротона, которого принято считать создателем первой медицинской теории, однако использовать понятие «медицинская школа» в отношении медицины Кротона и рассматривать этот город как центр развития и распространения медицинских знаний не представляется обоснованным. Как мы отмечали в первой части статьи [1], сложилась традиция выделять медицинские школы, находившиеся в Великой Греции, – Кротонскую и Сицилийскую. Иногда объединяют всю медицину греческих колоний юга Аппенинского полуострова и говорят о «южно-италийской медицинской традиции». Обратим внимание на исторический контекст, в котором в литературе используется понятие «школа» применительно к медицине Коса или Книдоса. Ученым известно о врачах, работавших на Косе и в Книде на протяжении сотен лет¹. Своего значения и влияния в Средиземноморье центры медицинского знания на Косе и Книде не утратили до II века до Р.Х., а Кротон, Акрагант или Сиракузы известны как места, связанные лишь с отдельными событиями, важными для истории медицины². Сами понятия «кротонская медицинская школа» или «сицилийская медицинская школа», по-видимому, появляются в силу того, что сложилось мнение о значимости этих городов как центров философских школ – прежде всего, пифагорейцев. В зарубежной историографии существует мнение о влиянии пифагорейского учения на развитие медицины. Если считать Пифагора, его учеников и Эмпедокла крупнейшими философами-досократиками, то, на первый взгляд, не кажется сомнительным предположение об определяющем влиянии их взглядов на медицину. Исходя из этого, и говорят о медицинских школах в Кротоне

и на Сицилии. Косская и Книдосская школы возникают в зоне культурного влияния Милета, и на их развитие определяющее влияние оказала ранняя ионийская физика. Соответственно, медицинская мысль в Кротоне и Акраганте формируется под влиянием философии Пифагора и Эмпедокла. Данный взгляд представлен в работах историков философии, причислявших Алкмеона к ученикам Пифагора и справедливо указывавших на основополагающий характер идеи Эмпедокла о четырех первоэлементах для дальнейшего развития как медицины, так и естественных наук в целом [2–4]. Аргументом, заслуживающим внимания, является также общность взглядов Алкмеона и известных нам пифагорейцев³. Однако наличие общих черт в картине мира разных ученых отнюдь не означает онтологическую общность их учений.

Основанный на междисциплинарном методе историко-медицинских исследований анализ биографий и научных взглядов врачей, которых причисляют к пифагорейцам, позволяет прояснить их связи с Книдом и Косом или влияние ранней ионийской физики. Так, с именем Акрона из Акраганта связывают начало традиции рациональной медицины на Сицилии, также считается, что он оказал значительное влияние на взгляды Эмпедокла. Однако известно, что ряд представителей Родосской ветви Асклепиадов перебравшись в Акрагант, как врачи из Книды – в Кротон. Если учесть эти факты, то становится очевидным, что и в медицине Великой Греции получают развитие взгляды медицинских школ, возникших под влиянием ранней ионийской физики. Это, разумеется, не означает, что любой из врачей мог быть последователем Пифагора или Эмпедокла, но указывает на единый центр зарождения древнегреческой рациональной медицины.

Алкмеон и пифагорейское учение: кто на кого влиял?

Для историков медицины существенным является вопрос о том, можно ли причислить знаменитого врача Алкмеона к последова-

¹ На начало традиции изучения медицины и ее преподавания на Косе указывает история семьи Гиппократов. Также известно о формировании письменного наследия Книдосской школы в V веке до Р. Х.

² Как правило, они имели отношение к жизни и деятельности отдельных врачей и философов (например, Алкмеона, Акрона).

³ На это указывает, например, Дж. Лонгригг [5, р. 48]. Также см. [6, с. 109].

телям пифагорейской философии [7–11]. Большинство исследователей утверждают, что Алкмеон из Кротона был пифагорейцем. Л.Я. Жмудь, например, указывает, что он «был первым пифагорейцем, от которого осталась письменная традиция», и приводит историографические и источниковедческие данные [6, с. 109]. С Алкмеоном связывают первые протонаучные представления о целостности организма⁴. Греческая медицина обязана Алкмеону многими основополагающими категориями. Одна из них – «динамическое понимание болезни»: здоровье – равновесие противоположных качеств, или сил (*δυνάμεις*), в организме, болезнь – преобладание одного из них, которое впоследствии мы находим у гиппократиков. Среди причин болезни Алкмеон называет избыток холодного и горячего, избыток и недостаток пищи, а также внешние факторы (воду, местность и др.), предвосхищая, таким образом, соответствующие подходы к этиологии болезней, раскрытые в «Корпусе Гипократа». Здоровье, нормальная форма существования человеческого организма, обусловлено равновесием (*ἰσωνοία*) или гармонией противоположных начал. Смещение этого равновесия в сторону одного из них Алкмеон называл «единовластием» (*μοναρχία*). Оно и вызывало болезнь, которую можно лечить, только влияя на ее причину, т. е. восстанавливая баланс противоположных начал: именно в этом и состояла методологическая основа идеи лечить противоположное противоположным. Сходные принципы мы обнаруживаем в «Корпусе Гипократа»: «Одним словом, противоположное

⁴ Приведем мнение Дж. Лонгрига: «Принимая во внимание скудость дошедших до нас свидетельств, будем избегать категоричных оценок. Однако не вызывает сомнений, что Алкмеон является очень важной фигурой для медицины и философии, а также их связи. Влияние Алкмеона на поздние философские и медицинские идеи было значительным. Из-за недостатка источников по греческой медицинской литературе догиппократовского периода... невозможно сказать, был ли он создателем медицинских теорий, которые ему приписывают. Однако наши данные свидетельствуют о том, что он был оригинальным и независимым мыслителем. <...> Важно то, что его медицинские взгляды также рационалистичны, как и взгляды его предшественников ионийских философов, так и работавших после него философов-досократиков» [5, р. 48].

есть лекарство для противоположного⁵, ибо медицина есть прибавление и отнятие: отнятие всего того, что излишне, прибавление же недостающего. И кто это наилучше делает, тот наилучший врач, а кто наиболее удаляется от выполнения этого, тот наиболее удаляется и от искусства» [12, с. 264]⁶.

Мнение о существенном влиянии ионийской физики на методологию Алкмеона высказывает Ж. Жуанна [13]. Он отмечает, что идеи Алкмеона о балансе противоположных субстанций в организме человека как признаке здоровья сходны с натурфилософскими представлениями Анаксимандра Милетского, который предложил описание космоса, основной характеристикой которого является симметрия, при этом за внешне беспорядочными небесными явлениями скрывается строгая закономерность [14, с. 15].

Алкмеон был современником Пифагора, жил с ним в одно время и в одном городе, поэтому вполне вероятно, что он мог встречаться с ним и слушать его. Тем более это не предполагает, что формирование взглядов Алкмеона как врача происходило под влиянием пифагорейского учения. В теории Алкмеона о противоположностях есть много общего со взглядами Пифагора. Для пифагорейского учения характерно выделение десяти основных пар противоположностей: ограниченность и неограниченность; четность и нечетность; единство и множество; правое и левое; мужское и женское; недвижущееся и движущееся; прямое и кривое; свет и тень; плохое и хорошее; квадратное и прямоугольное. Для натурфилософских представлений пифагорейцев принципиальное значение

⁵ *Contraria contrariis*: в этом заключалось основное правило греческой и всей последующей терапии – так называемой аллопатии, в противоположность гомеопатии по С. Ганеману (*similia similibus*). См. также: Гиппократ. Афоризмы, II, 22.

⁶ Помимо указанного отрывка из «О ветрах», в «Афоризмах» Гиппократ приводит пример того, как лечить противоположное противоположным: «Всеякие болезни, которые происходят от переполнения, излечиваются опорожнением, а все, которые бывают от опорожнения, – наполнением, также и другие болезни излечивает противоположность. Этот афоризм устанавливает положение “*contraria contrariis*”, лежащее в основе аллопатической медицины» (Афоризмы, II, 22).

имели категории «ограниченность—неограниченность» и «четность—нечетность». Крайне интересен анализ этого вопроса, данный Г. Властосом [5, р. 50]. Он также указывает на важнейший характер пар «ограниченность—неограниченность», «четность—нечетность» для пифагорейского учения и обращает внимание на то, что именно эти категориальные пары Алкмеон не использует. Более того, по мнению Г. Властоса, они противоречат всему, что достоверно известно о взглядах Алкмеона. Дж. Лонгригг [5] и В. Наттон [15] обращают внимание на то, что попытка описывать идеи материального мира в категории противоположностей характерна и для ранней ионийской физики⁷.

В рамках пифагорейской натурфилософии возникал вопрос о механизме поддержания гармонии противоположностей — с этим может быть связан интерес Алкмеона к устройству и функционированию человеческого организма. По его мнению, это было основано, во-первых, на оригинальности Алкмеона как мыслителя, во-вторых — на отсутствии у него числовой философии и наличии интереса к естествознанию, и в-третьих — на том, что Аристотель не называл его пифагорейцем [6, с. 109–110]. В теории Алкмеона число противоположностей не было ограничено, однако это утверждение неоднозначно: источники позволяют говорить лишь о том, что Алкмеон использовал несколько пар противоположностей. Однако если считать Алкмеона пифагорейцем, то следует признать, что и у него этих пар было больше (так как Пифагор использовал больше пар противоположностей), но они остались в источниках, которые не сохранились. Таким образом, необоснованное предположение о пифагорейских взглядах Алкмеона (особенно ввиду отсутствия дошедших до нас источников) становится решающим аргументом в пользу того, что его медицина выстраивается в соответствии с характерными для пифагорейской философии положениями. Л.Я. Жмудь отмечает,

что Демокреда, Алкмеона, Иккоса, Гиппона и Филолая объединяют «рациональный подход к медицине, отсутствие в их теориях и практике какой-либо связи с религиозно-магическим врачеванием» [6, с. 311–312]. Во многом это связано с учетом мнений Ямвлиха и Аристотеля: первый говорит об Алкмеоне как о пифагорейце, а Аристотель в «Метафизике» связывает идею Алкмеона о противоположностях с развитием пифагорейской мысли, хотя и делает важную, на наш взгляд, оговорку: ему не ясно, Алкмеон заимствовал ее у Пифагора или пифагорейцы заимствовали ее у Алкмеона [17]. Однако можно только указать на многочисленные совпадения взглядов Алкмеона и линии познания в медицине, нашедшие свое отражение в «Корпусе Гиппократов». Определить же более точно, кто на кого влиял, невозможно.

Так, в традиции медицины Гиппократов понятие «здоровье» давалось в тесной связи с понятием «болезнь». В «Корпусе Гиппократов» здоровье определяется апофатическим (через отрицание — как отсутствие страданий) и катафатическим способом (через утверждение — как существование организма в качестве уравновешенной смеси элементов). «Болезнь» является состоянием, противоположным «здоровью», т.е. это страдание человеческого тела из-за нарушения гармоничного соотношения первоначал (элементов, жидкостей и сущностей). Здесь мы видим преемственность идей Гиппократов и ранее существовавших теорий здоровья и болезни. Новизна теории Гиппократов заключалась в принципиальном добавлении к идее равновесия (или его смещения) концепции смещения («красис») основных субстанций, из которых состоит человеческое тело. Сбалансированность первоэлементов и жидкостей означала их «благосмещение»⁸, т.е. состояние здоровья. Таким образом, в «Корпусе Гиппократов» представлена система общей патологии, предусматривающая вопросы баланса между внутренними состояниями организма и внешними влияниями: ключевым понятием здесь была категория «изменение» (μετάβασις), ставшая важней-

⁷ Разница заключается лишь в том, что в ней они не постулируются в десяти категориальных парах и не используются в математических категориях, как у пифагорейцев.

⁸ Для характеристики здоровья это понятие будет использовать Гален.

шим компонентом гиппократовской теории патологии. Иными словами, границы между нормальным и патологическим состоянием организма в трудах врачей-гиппократиков четко не обозначены: здоровье — это хрупкое равновесие, которое может быть легко нарушено.

Вместе с тем необходимо попытаться понять, существует ли связь между системообразующими взглядами кротонских врачей на медицину и той или иной натурфилософской традицией. Алкмеон смог задать досократовской натурфилософии новое, «физиологическое», направление, сфокусировав ее внимание на проблемах строения и жизнедеятельности человеческого организма. Однако это суждение скорее свидетельствует о влиянии взглядов Алкмеона как зрелого ученого на взгляды первых поколений учеников Пифагора, чем о значении пифагорейской философии для формирования картины мира самого Алкмеона.

Здесь возникает вопрос о взглядах Алкмеона на природу человеческой души и об их соответствии той или иной натурфилософской традиции. Очень важным в этом отношении представляется следующее замечание Л.Я. Жмудя: «...У Алкмеона, единственного из пифагорейских философов, кто учил о бессмертии души, нет следов доктрины о ее переселении... Алкмеон первым связал личность человека с мозгом, центром восприятия и мышления..., ψυχή же он понимал как начало жизни и движения; где именно он ее локализовал, данных нет. О бессмертии души свидетельствует то, что она, подобно всем божественным небесным телам, находится в постоянном круговом движении, — аргумент, впоследствии развитый Платоном. Как далеко заходила у Алкмеона аналогия между круговым движением души и небесных тел и что происходило с душой после смерти, мы не знаем» [6, с. 332]. Алкмеон впервые указал на мозг как на центр управления деятельностью организма, в который через «поры» (некие особые каналы) стекаются ощущения от разных органов чувств.

Для развития античной рациональной медицины исключительно важной была доктрина о существовании бессмертной души, расположенной именно в головном мозге.

Возможно, поэтому многих натурфилософов волновала природа сна (как подобия смерти) и сновидений (как проявления духовной жизни). Отметим, что Алкмеон не разделял пифагорейского взгляда на метемпсихоз. По его мнению, интеллектуальная деятельность человека осуществляется в головном мозге. Интересны его суждения о сне и семени: сон, по Алкмеону, наступает из-за отлива крови от мозга в вены, несущие кровь, а семя также является производным головного мозга. Эмбриогенез он трактует как смешение семени от мужчины и женщины (пол ребенка определяется тем, чье семя преобладает). В период внутриутробного развития голова, ввиду главенства мозга, по мнению Алкмеона, развивается раньше других частей тела плода. Алкмеон, по-видимому, изучал анатомию эмбриона, а его рассуждения о репродуктологии следует признать вполне логичным развитием идей, подтвержденных опытным путем.

Алкмеон является самостоятельной фигурой в истории науки. Учитывая влияние ранней ионийской физики и косской медицины, которое прослеживается в его взглядах, весьма вероятным кажется существование произведений Книдосской школы, повлиявших на формирование взглядов кротонских врачей на медицину. Одной из важнейших страниц истории медицины V в. до Р.Х. является описание соединения глазного яблока с головным мозгом посредством зрительного нерва, данное Алкмеоном на основании результатов эмпирического наблюдения. Считается, что благодаря этому наблюдению Алкмеон сделал вывод о том, что глаз, как орган чувства, лишь воспринимает информацию, которая через соединяющий нерв передается в мозг. Именно головной мозг является органом, в котором сосредоточено управление чувствами. Таким образом, Алкмеон предстает основателем хирургии и анатомических исследований. Однако у этой точки зрения есть оппоненты, считающие, что заключение Алкмеона основано не на результатах хирургической манипуляции, проведенной на человеке, а на данных анатомических вскрытий животных.

Кротонский врач, вероятно, наблюдал пациента, иначе он не смог бы сделать

подобные выводы: для того, чтобы первым прийти к заключению о том, что мозг является органом, из которого исходят нервы, надо иметь серьезные эмпирические и теоретические основания. Описанный случай — идеальная модель для такого рассуждения, и Алкмеон, очевидно, имел возможность убедиться в том, что зрительный нерв исходит из мозга. Алкмеон не был единственным в то время ученым, который наблюдал глазное яблоко, повисшее на зрительном нерве (в данном случае не имеет значения историографический спор о том, кто был объектом исследования — человек или животное). Таких наблюдений, по-видимому, было много: V в. до Р. Х. — период травм и ран, полученных на войне или во время охоты. Историку медицины важно понять, почему именно Алкмеон, именно в Кротоне и именно в V в. до Р.Х. сделал на основе этих наблюдений именно эти выводы. Разобраться в этом вопросе позволит способность реконструировать картину мира Алкмеона как ученого. Исследователь, никогда в жизни не наблюдавший анатомического вскрытия, не учившийся медицине и не обладающий хотя бы начальными навыками клинического мышления, не сможет понять логику рассуждений исследователя, решавшего подобные задачи. В данном случае неважно, идет речь о V в. до Р.Х. или о V в. или XV в. после Р.Х. То же самое касается и суждения Алкмеона о связи других органов чувств с головным мозгом. Дж. Лонгригг справедливо отмечает, что даже простого зонда было достаточно, чтобы понять эту связь в отношении полостей ушей и носа. В результате их зондирования и наблюдения за анатомией зрительного нерва Алкмеон мог логически прийти к заключению, что основные чувства — зрение, обоняние и слух — связаны именно с деятельностью мозга. Л.Я. Жмудь указывает на то, что в отличие от других досократиков Алкмеон представил теорию всех органов чувств, кроме осязания. Еще Теофраст отмечал важность того, что Алкмеон различал ощущения и мышление, а также их функции. Принципиальным отличием теории Алкмеона от взглядов Теофраста и его учителя Аристотеля является суждение о мозге как центре мышления: Алкмеон полагал, что

органы чувств связаны с мозгом некими специальными каналами, передающими в него ощущения. Не менее важным является вопрос о локализации центра управления произвольными функциями человеческого тела. Полемика по этому вопросу продолжалась до времени Галена, завершающим моментом этой дискуссии следует считать трактат Галена «Об учениях Гиппократов и Платона». Гален с помощью результатов анатомических вскрытий опровергал мнения стоиков и Аристотеля о том, что руководящее начало расположено в сердце. Рассуждая о функциях высшей, бессмертной части души, находящейся, по его мнению, в головном мозге, он делает акцент именно на контроле за произвольными движениями: «Ведь сама природа, или сущность — называй, как хочешь, — исследуемого предмета явила доказательства того, что руководящее начало, управляющее всеми мыслями и словами, совпадает с началом ощущения и произвольного движения»⁹. Историко-философский анализ предполагает, что одним из основных становится вопрос о природе мышления. Однако мышление для врача — это одна из форм высшей нервной деятельности, являющаяся частью более общей функции — осознанного, контролируемого поведения индивида. Здесь на первый план выходит контрольная функция головного мозга. Таким образом, развитие рациональной медицины античности можно представить в виде условной линии «Алкмеон → Гиппократ → Герофил → Гален». Работы Алкмеона можно называть первой попыткой в истории античной медицины применить исследовательский метод, основанный на результатах анатомических вскрытий.

Диоген Лаэртский говорит о том, что Аристотель, а затем и Теофраст спорили с Алкмеоном по поводу трактовки чувственного опыта: «Алкмеон Кротонский, сын Пирифоя, так сказал Бротину, Леонту и Бафиллу: обо всем невидимом, обо всем смертном богам дана ясность, людям же — лишь судить по приметам» [20, с. 356]¹⁰. Утверждение Алкмеона не характерно для большинства

⁹ Гален. Об учениях Гиппократов и Платона, 7.1.7. Перевод с древнегреческого на русский см.: [19, с. 257].

¹⁰ Также см. [5, р. 51].

досократиков: достоверное знание о мире доступно только богам, а люди, имеющие более скромные познавательные возможности, должны изучать окружающий мир, интерпретируя свидетельства своего чувственного опыта. Алкмеона можно считать врачом-рационалистом (это подтверждает данное им описание зрительного нерва). Более того, все, что мы знаем о его теории, указывает на приверженность знаменитого кротонского врача физико-химическим категориям при описании здоровья и болезни. Он чужд мистицизма, присущего Эмпедоклу. Напомним, как в античной языческой традиции понималась природа болезни: во-первых, болезнь – это наказание, которое боги посылают людям, во-вторых – это некая самостоятельная субстанция, действующая извне. По сути классические описания случаев заболеваний, данные в поэмах Гомера, представлены как «нападение» на человеческое тело некоего субстанционального существа (по выражению Дж. Лонгрига, «имеющего собственное тело»). Из этого следует восприятие болезни как абсолютного зла и трактовка самого заболевания как наказания сверхъестественных сил (существ). Болезнь в таком случае становится инструментом, с помощью которого это наказание осуществляется. Алкмеон пользуется сугубо физическими понятиями, ему чужда оккультная концепция болезни, он воспринимает ее как явление природы, подчиняющееся тем же правилам, что и другие подобные явления.

Так кто на кого влиял? Если исходить из возможного факта наличия влияния косской и книдской медицины на пифагорейское учение, то станет понятно, почему рациональная медицина Великой Греции утрачивает свое значение уже к концу IV в. до Р.Х. В такой интерпретации эмпирические методы познания, диетотерапия и другие моменты, характерные для медицины Гиппократов, становятся не следствием пифагорейских взглядов, а своеобразной интеллектуальной «прививкой», привезенной с Книды или Коса. В этом контексте мнение об Алкмеоне как «великом мыслителе, бывшем в тесных связях с братством (пифагорейцев), если не членом его, который тесно связал меди-

цину и философию» [5, р. 48], следует считать ошибочным. Тогда меняется причинно-следственная связь между суждениями кротонских врачей и «Корпусом Гиппократов». Не кротонцы под влиянием пифагорейской философии создали рациональную медицину, традиция которой закреплена в «Корпусе Гиппократов», а традиция рациональной медицины, возникшая под влиянием ранней ионийской физики и в дальнейшем нашедшая отражение в трудах врачей школы Гиппократов, была перенесена в Кротон врачами, переехавшими туда с Книды и, возможно, Коса.

Заключение

В истории науки можно выделить натурфилософские системы, которые оказывали влияние на развитие естествознания, в частности формирование научного метода в медицине. Алкмеон сформулировал учения об «изономии» и «монархии», а также тезис об управляющей роли головного мозга на основе результатов наблюдения за соединением глазного яблока с мозгом посредством зрительного нерва. В эпистемологическом плане он является непосредственным предшественником Гиппократов и Герофила, а в определенном смысле и Платона, работы которых, в свою очередь, оказали определяющее влияние на формирование взглядов Галена. Современной науке немного известно о практике медицинских школ на Книде и Косе в V в. до Р.Х., но то, что известно о медицинской традиции, возникшей в рамках ранней ионийской физики, позволяет рассуждать именно так. Безусловно, подобная интерпретация может показаться не более убедительной, чем предположенные ранее. Отметим, что ограниченное количество источников делает спекулятивными предположения о принадлежности Алкмеона к пифагорейской школе.

Однако, рассуждая о методах исторической реконструкции, не следует забывать о принципе историзма. Применительно к событиям политической или экономической истории очевидно, что события, связанные с походами Александра Македонского, или экономическое устройство древнегреческого полиса можно правильно интерпретировать,

лишь попытавшись понять особенности мировоззрения того времени. Невозможно, например, оценить значимость той или иной математической идеи, выдвинутой Гиппократом Хиосским или Эвклидом, не понимая математики в целом. Также очевидно, что нельзя рассуждать об особенностях экспериментального метода в античности или о подходе Герофила или Галена к анатомическим вскрытиям, не имея представления о том, что происходит в анатомическом театре или в физиологической лаборатории. Здесь уместно вспомнить слова Галена: «И такие заявления имеет наглость делать человек, не имеющий ни малейшего представления об анатомии!»¹¹.

По-видимому, именно представление Алкмеона о центральной контрольной функции головного мозга и является главным аргументом против того, чтобы относить его к школе пифагорейцев. Ключевой вопрос для понимания особенности античной медицины — отношение к анатомическим вскрытиям. Именно в стремлении к экспериментальному доказательству в сочетании с этиологическим подходом к теории болезни и заключается суть аподиктического метода в медицине того времени. Л.Я. Жмудь, суммируя данные историографии, отмечает: «Доступные догиппократовской медицине сведения о строении человеческого организма были получены в ходе лечения раненых либо наблюдений за мертвыми людьми или животными; специально анатомией человека в то время не занимались. Уровень познаний врачей-гиппократиков в анатомии и доступные нам свидетельства классического периода демонстрируют отсутствие *регулярной практики* вскрытия человеческих тел, но не исключают спорадические опыты такого рода. Обычно основную причину видели в том, что в Греции существовали религиозные и психологические предубеждения против вскрытия тела умершего, а освященный религией обычай требовал его скорейшего захоронения. Практика вскрытия человеческих тел была, таким образом, временным отступлением этих предубеждений у от-

¹¹ Гален. Об учениях Гиппократов и Платона, 7.1.18 [19, с. 259].

дельных врачей. Хотя секуляризация, безусловно, сыграла важную роль в развитии анатомии в Греции, указанное объяснение кажется слишком спекулятивным. Ллойд, например, вообще не касается влияния религии, указывая на проблематичность самой процедуры вскрытия в греческой медицине <...>. Ллойд... убедительно продемонстрировал то, что было известно и раньше: “Долгое время после Алкмеона вскрытие не практиковалось ради него самого в качестве обычной процедуры исследования. Те вскрытия, которые проводились, служили конкретной и вполне определенной цели: объяснить странное явление, подкрепить теорию или разрешить спор”. Систематическое изучение анатомии животных впервые начал Аристотель, а анатомии человека, его мозга и нервной системы — Герофил и Эрасистрат. Проблема, однако, заключается в том, что после них вскрытие человека *еще дольше* не практиковалось ради него самого в качестве обычной процедуры исследования. Длительные перерывы и внезапные остановки в развитии наук в античности хорошо известны: достаточно вспомнить судьбу зоологии после Аристотеля или ботаники после Теофраста» [6, с. 317, 319].

По отношению к истории медицины принято утверждать, что религиозные запреты обусловили перерывы в проведении опытов и в экспериментальной практике. Однако главная причина заключалась прежде всего в том, что в рамках определенной картины мира ученого анатомические вскрытия не были нужны¹².

Нельзя согласиться с выводом о незначительности метода анатомических вскрытий для Алкмеона. Историю следует рассматривать как эволюционное развитие идей, поиск наиболее информативных методов доказательств. Следовательно, сначала должна была утвердиться идея опытного изучения анатомии живых существ, затем — возникнуть база теоретических обобщений, доказы-

¹² Причиной избирательного характера отказа от анатомических исследований со стороны, например, представителей школы врачей-эмпириков являются не религиозные запреты, а их представления о методах познания, основанные на натурфилософии Ранней Стои.

вающая их нужность и полезность, и только потом, на основе опытного изучения, исследователи могли прийти к идее проведения систематических вскрытий человеческих тел как наиболее информативного способа получения достоверного знания. Так и произошло: историческое развитие медицины шло от спорадических наблюдений Алкмеона к первым сознательным вскрытиям животных, описанным в «Корпусе Гиппократата», и далее — к системной практике сравнительной анатомии в Ликее и, наконец, к работам Герофила. В конечном счете были накоплены фундаментальные знания, основываясь на которых, Гален сформулировал свою целостную анатомо-физиологическую систему [21, с. 85]. Л.Я. Жмудь и Дж. Ллойд правы в том, что анатомические опыты Алкмеона не были регулярными. Однако в то время они и не могли быть регулярными, так как аподиктический метод в медицине тогда только зарождался. В связи с этим работы Алкмеона следует рассматривать как продолжение и развитие косской и книдской традиций.

Сложившееся в историографии мнение относительно влияния Пифагора и пифагорейцев на медицину можно объяснить ставшим традиционным представлением о философских взглядах врача-ученого и его медицинской практике как о двух параллельно существующих реальностях. Философские взгляды и врачебную практику того или иного представителя медицины Античности не принято рассматривать в их взаимосвязи. Однако очевидной кажется первичность именно философских взглядов врача. Ведь ясно, что юноша, решивший стать врачом и получивший хорошее для своего времени образование, сначала изучал «науку о любви к истине», а лишь потом переходил к ос-

воению навыков будущей профессии. Обучение предполагало присоединение к тому или иному кружку учеников, собиравшихся вокруг мэтра. Этот выбор осуществлялся на основе доверия и симпатии к конкретному руководителю школы. Наиболее яркой эта тенденция становится после III в. до Р.Х.: очевидно, например, что юноша, воспитанный в традициях стоической философии и избравший для себя искусство медицины, скорее всего выбирал в качестве своего наставника известного врача-эмпирика. Именно натурфилософское знание, полученное в качестве базового образования, определяло его образ мыслей, становилось основой для формирования индивидуальной картины мира. Специальные профессиональные знания вторичны по отношению к ней — особенно в ситуации кардинального различия учений разных медицинских школ.

Однако и по отношению к событиям V в. до Р.Х. вопрос формулируется таким же образом — суждение об определяющем влиянии того или иного философского учения на развитие медицины нельзя формулировать, основываясь на личном знакомстве или проживании в одном городе. Следует внимательно соотнести определяющие моменты теории и практики конкретного врача-ученого и основополагающие элементы доктрины философской школы. Исходя из этого принципа, можно утверждать, что учение Пифагора и его последователей (по крайней мере, то, что нам известно) не оказало определяющего влияния на зарождение рациональной древнегреческой медицины. Напротив, можно констатировать влияние идей Косской или Книдской школ на взгляды Алкмеона, а значит, и их преемственность по отношению к ранней ионийской физике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балалыкин Д.А., Шок Н.П. Влияние пифагорейцев на медицину: исторический факт или проблемы интерпретации? Часть 1 // История медицины. 2017; 4 (3): 347–359.
2. Jones W.H.S. Philosophy and Medicine in Ancient Greece. Baltimore, 1961.
3. Kahn C.H. Pythagoras and the Pythagoreans. A Brief History. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2001. 206 p.
4. Kirk G., Raven J., Schofield M. The Presocratic Philosophers. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 518 p.

5. Longrigg J. *Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians*. London, 1993.
6. Жмудь Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 445 с.
7. Codellas P.S. Alcmaeon of Croton: His Life, Work, and Fragments // *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. 1932; 25(7): 1041-1046.
8. Lloyd G.E.R. Alcmaeon and the Early History of Dissection // *Sudhoffs Archiv*. 1975; 59: 113-147.
9. Lloyd G.E.R. Experiment in early Greek philosophy and medicine // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1964; 10: 50-72.
10. Sigerist H.E. *A History of Medicine*. Vol. 2, New York, 1961.
11. Timpanaro M.C. Pitagorici. Testimonianze e frammenti // *La Nuova Italia*, Firenze, fasc. 1: 1958.
12. Гиппократ. Избранные книги / Ред., вступ. ст. и примеч. В.П. Карпова. М.: Медгиз, 1936.
13. Jouanna J. *The Birth of Western medical art* // *Western Medical Thought from Antiquity to the Middle Ages*. Ed. by Mirko D. Grmek. Harvard Univ. Press: CambridgeLondon, 1998. P. 22-71.
14. *Греческая философия* / Под ред. М. Канта-Спербер. Пер. с франц. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2006. 499 с.
15. Nutton V. *Ancient Medicine*. London and New York: Routledge, 2013.
16. Vlastos G. Isonomia // *American Journal of Philology*. 1953; 74: 337-366.
17. *Аристотель*. Сочинения в четырех томах. Т. I. М.: Мысль, 1976.
18. *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. III. М.: Мысль, 1994. 654 с.
19. *Гален*. Сочинения. Т. IV / Общ. ред., сост., вступ. ст. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2017.
20. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
21. Балалыкин Д.А. Медицина Галена: традиция Гиппократата и рациональность античной натурфилософии // *Гален*. Сочинения. Т. II / Общ. ред., сост., вступ. ст. и комм. Д.А. Балалыкина. М.: Практическая медицина, 2015. С. 5-106.

Получено: 20.07.2017

REFERENCES

1. Balalykin D.A., Shok N.P. *Vliyanie pifagoreytssev na meditsinu: istoricheskiy fakt ili problemy interpretatsii? Chast'1* [The Pythagoreans' influence on medicine: a historical fact or problems of interpretation? Part I]. *History of Medicine*. 2017; 4(3): 300-308. (in Russian)
2. Jones W.H.S. *Philosophy and Medicine in Ancient Greece*. Baltimore, 1961.
3. Kahn C.H. *Pythagoras and the Pythagoreans*. A Brief History. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2001. 206 p.
4. Kirk G., Raven J., Schofield M. *The Presocratic Philosophers*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 518 p.
5. Longrigg J. *Greek Rational Medicine: Philosophy and Medicine from Alcmaeon to the Alexandrians*. London, 1993.
6. Zhmud L.Ya. *Pifagor i rannii pifagoreytsy* [Pythagoras and the early Pythagoreans]. Moscow: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 445 p. (in Russian)
7. Codellas P.S. *Alcmaeon of Croton: His Life, Work, and Fragments*. *Proceedings of the Royal Society of Medicine*. 1932; 25(7): 1041-1046.
8. Lloyd G.E.R. *Alcmaeon and the Early History of Dissection*. *Sudhoffs Archiv*. 1975; 59: 113-147.
9. Lloyd G.E.R. *Experiment in early Greek philosophy and medicine*. *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. 1964; 10: 50-72.
10. Sigerist H.E. *A History of Medicine*. Vol. 2, New York, 1961.
11. Timpanaro M.C. *Pitagorici. Testimonianze e frammenti*. *La Nuova Italia*, Firenze, fasc. 1: 1958.
12. Hippocrates. *Izbrannye knigi* [Selected writings]. Edited, introduced, and annotated by V.P. Karpov. Moscow: Medgiz, 1936. (in Russian)
13. Jouanna J. *The Birth of Western medical art*. *Western Medical Thought from Antiquity to the Middle Ages*. Ed. by Mirko D. Grmek. Harvard Univ. Press: CambridgeLondon, 1998. P. 22-71.
14. *Grecheskaya filosofiya* [Greek Philosophy]. Edited by M. Kanto-Sperber. A translation from French. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina, 2006. (in Russian)
15. Nutton V. *Ancient Medicine*. London and New York: Routledge, 2013.
16. Vlastos G. *Isonomia*. *American Journal of Philology*. 1953; 74: 337-366.
17. Aristotle. *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 volumes]. (in Russian) Vol. 1. Moscow: Mysl, 1976. (in Russian)
18. Plato. *Sobranie sochineniy v chetyrekh tomakh* [Collected works in 4 volumes]. Vol. III. Moscow: Mysl, 1994. 654 p. (in Russian)
19. Galen. *Sochineniya* [Works]. Vol. IV. Edited, compiled, introduced, and annotated by D.A. Balalykin. Moscow: *Practicheskaya meditsina*, 2017. (in Russian)

20. Diogenes Laertius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenituykh filosofov* [*Lives, teachings, and dicta of eminent philosophers*]. Moscow: Mysl, 1979. 620 p. (in Russian)
21. Balalykin D.A. *Medsina Galena: traditsiya Gippokrata i ratsional'nost' antichnoy naturfilosofii* [*Galen's medicine:*

the Hippocratic tradition and rationality of ancient natural philosophy]. In Galen. *Sochineniya* [*Works*]. Vol. 2. Edited, compiled, introduced, and annotated by D.A. Balalykin. Moscow: *Practicheskaya meditsina*, 2015. P. 5–106. (in Russian)

Received: 20.07.2017

Информация об авторах

Балалыкин Дмитрий Алексеевич – доктор медицинских наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории медицины, истории Отечества и культурологии, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет); научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

Шок Наталия Петровна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет); научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва).

About the authors

Dmitry Alekseevich Balalykin – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chairman at the Department of the History of Medicine, National History and Culturology, FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University); Institute of World History RAS (Moscow).

Nataliya Petrovna Shok – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of the History of Medicine, National History and Culturology, FSAEI HE I.M. Sechenov First MSMU MOH Russia (Sechenov University); Institute of World History RAS (Moscow).